

АЛЕКСЕЙ
БОЛЬШАКОВ

ИЗГОЙ

История смерти человека и рождения чудовища, которое сотворили сами люди.

Действие происходит в небольшом провинциальном городке в самом начале 90-х годов прошлого века.

Борис, тихий, забитый юноша, живет с матерью, которая презирает сына и подсознательно мстит ребенку за предательство мужа (отца Бориса) и свою неудачную жизнь. После инцидента в школе и жесткой ссоры с матерью, Борис бежит в лес с намерением совершить самоубийство. Но, оказывается, он не способен на этот отчаянный шаг. Преследуемый голодом и холодом, подросток решается на кражу, но, застигнутый врасплох, в порыве гнева совершает нелепое убийство. Это случайное убийство словно производит переворот в его сознании. Из доброго, запуганного паренька он превращается в серийного убийцу...

Алексей Большаков

ИЗГОЙ

ГЛАВА 1

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Борис рыдал, уткнувшись в подушку. Он был раздавлен, опущен, он испытывал самое тоскливое чувство, какое когда-либо знал. С холодящим душу ужасом он вспоминал то, что произошло пару часов назад, и эти воспоминания были невыносимы.

В свои неполные семнадцать лет Борис не знал девушек, он сильно стеснялся, не умел и не хотел общаться с ними. Вот только весной, уже несколько лет подряд, им овладевало невнятное беспокойство, которое генерировало тоску, обостряющую чувство собственной неполноценности, одиночества и горя. На этот раз тоска была сильнее, чем прежде. Пришедшая весна пробудила в нем неясный трепет, странные, непривычные ему желания. Борису хотелось ликующей радости, чего-то нового, неизведанного. Охватившее его весеннее влечение подчиняло разум, не давало покоя. Проснувшийся инстинкт будоражил кровь и требовал выхода.

Борис тосковал, он хотел любви. И у него был конкретный объект для обожания — одноклассница

Леночка. С ней они пришли в школу из одного детского садика и учились в одном классе столько лет, но в последнее время девушка стала отчаянно нравиться Борису. В ней было нечто таинственное и притягательное, она была стройна и хороша собой. Длинные, слегка вьющиеся светлые волосы, правильные черты лица, очень живые голубые глаза делали Лену очаровательной. Борису нравилась ее озорная улыбка, чувственный рот, ее веселость. Ему казались неотразимо привлекательными и внешность ее, и манера держаться. В отличие от Бориса, девушка не была замкнутой и уступчивой, она нередко спорила с подружками и кричала на парней. Но и эта противоположность их характеров импонировала Борису. Он иногда с затаенным восторгом, украдкой, наблюдал за ней, ему доставляло удовольствие слышать ее голос, просыпаться и идти в школу в радостном предчувствии, что он опять увидит Леночку. Он все чаще и чаще думал о ней, его все сильнее влекло к этой милой девушке. При ее появлении сердце Бориса начинало отчаянно стучать, он не смел заговорить с объектом своего обожания, просто любовался этим милым созданием. Он, пожалуй, был влюблен. И это была первая, несмелая, тайная, тревожная, полная юношеских надежд и мечтаний любовь, пока еще до конца неосознанное, но очень сильное чувство.

Вот и сегодня Борису хотелось увидеть Леночку, его словно магнитом тянуло к ней. Но занятий в школе не было: начались весенние каникулы. Зато намечалась дискотека. Борис был уверен, что Лена придет, и он решил первый раз в жизни пойти на школьную вечеринку.

Если бы не Леночка, Борис не пошел бы никуда. Он по природе своей был очень робким юношей, не любил шумных компаний и громкую музыку. Но на этот раз желание увидеть девушку было сильнее его комплексов и страхов. Проснувшаяся в нем несмелая любовь влекла его на дискотеку, наполняя сердце смутной надеждой.

Он, сильно волнуясь, пришел в школу и сквозь кривляющуюся в танце толпу сразу увидел Леночку. Она танцевала в компании одноклассников. В своей синей блузке, облегающей тонкую талию, и модных джинсовых штанах девушка казалась особенно привлекательной. Борис присел в сторонке и с жадным любопытством стал смотреть на Леночку. Ей так шла эта кофточка, она танцевала так увлеченно, искренне, легко согласовывая свои движения с ритмом музыки.

Из школьного динамика лились веселые мелодии. Песенка про убежавшую электричку сменилась песней о том, как хорошо проснуться утром и петь, затем последовала незнакомая Борису

песня в быстром ритме на иностранном языке, а девушка все танцевала в свое удовольствие.

Борис не пытался присоединиться к танцующей толпе. Он совсем не умел танцевать и чувствовал сильный внутренний страх перед скоплением людей. Он тихо сидел в сторонке в надежде глазами встретиться с Еленой. Юноша очарованно смотрел на девушку, только на нее одну, а она не обращала на него внимания.

Но вот, наконец, Лена решила передохнуть. Она выбралась из танцующей толпы и встала в сторонке в зале у окна. Какая-то неведомая сила толкала Бориса к этой девушке. Он не знал, да и не пытался разобраться, откуда в нем это странное, непреодолимое желание немедленно подойти к Леночке. Однако при одной лишь мысли о том, что необходимо будет поговорить с ней, у Бориса усиленно забилось сердце и потемнело в глазах. Но подходящий момент настал, нужно было действовать. И он преодолел свой страх, несмело и неуклюже, сильно волнуясь и стесняясь, приблизился к девушке и остановился возле нее.

Борис ощутил слабый аромат, исходивший от ее тела, и подумал, что этот запах духов отдаленно напоминает ему запах первых подснежников в его любимом лесу. Девушка накрасила губы и слегка подвела глаза, что еще больше подчеркивало выразительность ее лица. Борис хотел сказать ей

что-нибудь доброе, но не мог выдать из себя ни звука. Щеки его пылали как в огне, у висков вздулись упругие вены. Ему не хватало воздуха, сердце стремилось выпрыгнуть из груди. У него совершенно не было навыка общения с девушками. Он не знал, что говорят в таких случаях, не знал, как ведут себя. Борис застыл перед Леной, бессильно опустив руки, не зная, что предпринять. Он всегда был очень робким, застенчивым юношей, он всегда волновался, когда нужно было разговаривать с людьми. Сейчас перед ним стояла девушка, которая так нравилась ему, а он чувствовал нечто близкое к панике, хотя всего лишь несколько минут назад мечтал пообщаться с Леной.

Впервые в жизни Борис испытывал такое. Да, он был пугливым юношей, он боялся гнева матери, боялся людей. Но не до такой же степени! Его страх перед этой симпатичной девушкой превзошел все мыслимые пределы. Ему захотелось немедленно убежать, покинуть эту дискотеку и больше не появляться здесь никогда. Однако ноги не слушались его. На его организм словно напал паралич: он не мог двигаться, не мог говорить.

Меж тем девушка подняла на Бориса свои большие голубые глаза, их взгляды встретились, и он сразу понял, что Лена недовольна его присутствием. Эти глаза, казавшиеся совсем недавно такими милыми, теперь выражали

неприязнь, были чужими, враждебными ему. Борис почувствовал, что девушка смотрит на него с выражением такого же презрения, какое он часто улавливал во взгляде своей матери. Очарование сразу же померкло, мир вокруг обрел прежнее враждебное очертание. Борис ощутил, как кровь постепенно уходит из тела. Он опустил свои глаза, чтобы скрыть свой стыд.

А девушка продолжала недовольно смотреть на него. Она поняла, что Борис сильно волнуется, ему настолько неловко и неестественно, что даже ноги у него подгибаются. Но ей не нравился этот странный, сосредоточенный в себе, нелюдимый, высокий, очень худой мальчишка с грустными глазами. И вид у него какой-то затрапезный, и молчит он все время, а если и говорит, то виноватым голосом, словно ему неловко, потому что приходится все же раскрывать рот. Он даже двигается как пришибленный, смотрит обычно в землю, будто стыд за свое существование не позволяет ему поднимать глаза на прохожих.

В его внешности и поведении не было ничего такого, что могло бы заинтересовать эту симпатичную барышню. Как и другие ребята, она считала Бориса ничтожеством. Одноклассники не любили и игнорировали его. Он казался им угрюмым, жалким, неполноценным.

Нет, у Лены совсем не было интереса к этому забитому юноше. Она была тайно влюблена в Леху Большова и сильно расстроилась, что Леха не пришел на дискотеку. А с этим нелюдимым Борькой она не хотела иметь ничего общего. Зачем он подошел и паялился на нее?

Девушка понимала, что она красива и нравится многим парням. Около Лены увивался Юрка Мальцев, симпатичный, сильный, уверенный в себе, пусть и непутевый парень. Лена уже целовалась с Юркой и ходила с ним в кино. А этот Борька стоял перед ней такой напуганный, потерянный, некрасивый, непонятный. Он словно оцепенел от волнения и страха. Девушку сильно раздражало его присутствие. Затянувшаяся пауза казалась ей нелепой.

— Что? Что ты хочешь? — наконец спросила она.

Борис вздрогнул и покраснел еще больше. Он по-прежнему ничего не мог сказать ей, ему совершенно некуда было деться.

Вдруг рядом образовалась группа парней. Они приблизились незаметно и остановились в нескольких шагах, с интересом поглядывая на Лену и Бориса.

— Смотрите-ка, никак шибздик к Аленке пристаёт! — услышал Борис голос Юрки Мальцева. — Шибзди́ком ребята называли Борьку

между собой. Это была самая обидная кличка в классе.

— Ой, пристаёт! — улыбнулась Лена.

Бориса удивил ответ девушки. Он ни к кому, никогда не приставал. Присутствие ребят еще больше смутило его. Он понял, что сейчас пацаны будут насмеяться над ним. Но первой заговорила Лена:

— Ну, что уставился? Может, потанцевать со мной захотел? — Она спросила это с презрением, ей было стыдно перед ребятами, что нелюбимый всеми Борька посмел приблизиться к ней, словно находиться рядом с этим чужим парнем было позорным. А он словно остолбенел. Потом, немного опомнившись, промычал что-то совсем невнятное.

— Я с таким дебилом танцевать не буду, — не терпящим возражений тоном опять сказала девушка.

— Да он на тебе жениться вздумал! — пошутил Юрка.

— Я ничего такого, я ничего не хочу, — наконец-то прорезался извиняющийся голос у Бориса. — Можно, я пойду?

Но было поздно. Под одобрительный смех Юрка сказал что-то неприличное про сексуальные способности Бориса.

— А у него женилка-то хоть выросла? — спросил Дима Фролов, Юркин друг. — Давайте-ка посмотрим!

— Пойдем, выйдем в рекреацию! — потребовал Юрка.

Борис боязливо втянул голову в плечи, словно опасаясь немедленной физической расправы. Он не хотел никуда идти, однако Юрка схватил его за плечо и стал увлекать за собой. Борис, подозревая неладное, упирался, но сзади его подталкивали, и он подчинился. Лена и несколько Юркиных друзей вышли следом.

Из всей компании Борис больше всего побаивался Юрку Мальцева. Тот занимался в секции бокса и ударил его пару лет назад на перемене, неожиданно, без видимых причин. Просто подошел и сильно дал кулаком в живот. Борис, корчась от боли, упал. Он не умел сопротивляться и получил от Юрки еще один удар ногой под зад.

Впрочем, неформальным лидером класса был вовсе не Юрка, а Леха Большов. Леха сумел расположить к себе почти всех ребят, в него были тайно влюблены несколько девушек. Его уважали и слушали, он умел убеждать, с ним было весело, он был иногда судьей в спорах одноклассников. Даже Мальцев считался с его мнением.

Вот и в тот день, когда Юрка напал на Бориса, Леха подошел к ним и спросил: «За что ты его?». «А чего он такой?» — недовольно пробурчал Мальцев. Леха помог Борису подняться и отряхнуться. Он сказал пацанам, что б больше они Борю не трогали, и Бориса оставили в покое.

Ребята не любили Борю потому, что он не участвовал в их играх, не ходил с ними в кино, не слонялся по улицам. Даже в школе на переменках он старался уединиться и почти все время молчал. Он любил стоять у окна в рекреации и наблюдать за тем, что происходит на улице.

Борис с ранних лет был крайне необщительным ребенком. Еще в детском саду он избегал игр с ребяташками и подолгу сидел одиноко в сторонке. Повзрослев, он по-прежнему сторонился компаний, говорил редко и осторожно, словно не был уверен в своей правоте. Он не знал о чем разговаривать со сверстниками, а если и отвечал на их вопросы, то очень резко, словно хотел побыстрее отвязаться от любого своего собеседника.

У него не было друзей, Борис не делал никаких усилий, чтобы подружиться с кем-нибудь, ни к кому не ходил в гости и никого не приглашал к себе. Мальчик скрывал ото всех свои мысли и чувства. В классе Борис сидел на задней парте в одиночестве, а после уроков спешил домой

выполнять многочисленные обязанности, возложенные на него матерью. Учеба давалась ему легко. Он был одним из лучших учеников. Отчасти еще и поэтому его недолюбливали ребята. Некоторым одноклассникам казалось, что Борис смотрит на них надменно и свысока. А он просто был одиночкой. Мальчишка не испытывал неприязни к окружающим его людям, но был застенчивым и робким. Он жил погруженный в себя, старающийся уединиться ото всех.

Природа не обидела Бориса ростом, однако девушкам он не нравился. Девушки любят открытых, общительных парней, таких как Леха Большов, а на Борю никто не обращал внимания. Над ним лишь посмеивались, но на насмешки одноклассников Борис не отвечал.

И драться он не умел, точнее сказать — не хотел; ему проще было уступить, обойти конфликтную ситуацию. Впрочем, ребята понимали, что Боре покровительствует лидер класса и не трогали странного юношу. Даже драчливый Мальцев обходил его стороной.

Борис ни с кем не общался и лишь Леха Большов иногда разговаривал с ним. К Лехе Борис сохранил чувство благодарности, относился с уважением и неким почтением, так, как относятся иногда уже взрослые люди к своему хорошему, в меру требовательному и доброжелательному

начальнику. Борис мог бы выполнить любую просьбу Лехи, любое его поручение, но Леха ни о чем не просил. В глубине души Боря хотел бы, наверное, подружиться с Большовым, но у того была своя компания.

В этот раз Лехи на дискотеке не было. Отсутствие Лехи стало широкой темой для обсуждения. Говорили, что у него серьезно заболела мама.

ГЛАВА 2

НАДРУГАТЕЛЬСТВО

Борис не хотел никуда выходить в сопровождении Юрки и его друзей, но деваться было некуда: его буквально вытолкали из зала в рекреацию. Борис стоял, окруженный со всех сторон ребятами, не пытаясь как-то оправдаться, разрядить ситуацию. Ему хотелось только одного — чтобы его оставили в покое.

Но Юрка наседал, измеряя противника свирепым взглядом.

— Что ты, поганец, к нашим девушкам пристаешь? — злобно спросил он.

Борис пробормотал что-то невразумительное о том, что он ни к кому приставать не собирался, и нервно повернулся, порываясь уйти, прорваться сквозь кольцо ребят. Всем своим видом Борис

показывал испуг, нежелание с кем-либо конфликтовать. Однако получил подзатыльник. Подросток не видел, кто ударил его сзади, но удар получился сильным. В глазах у Бори потемнело от боли и страха. Он почувствовал, как знакомый ему паралитический холодок, поднимаясь волной от ступней к бедрам, сковывает движения. Борис понял, что его ударят еще. Но мысли сопротивляться не было. Он лишь прикрыл голову руками и сжался в страхе. И этот страх предопределил ситуацию. Ведь бьют, издеваются над тем, кто боится. Люди, как и животные, порой, интуитивно чувствуют страх противника и это воодушевляет.

Очередной удар последовал незамедлительно. Бориса крепко пнули ботинком по ягодицам. Он не упал и не обернулся, чтобы посмотреть, кто пнул его, и тут же получил сильный удар кулаком между ребер. Борис громко ахнул и прогнулся животом вперед. Из глаз его посыпались искры. Но он снова удержался на ногах, только дрожал всем телом.

— А мы сейчас посмотрим на его богатство, — сказал сзади Юрка.

Бориса схватили за плечи, он ощутил чьи-то руки в своих трусах. Эти руки пытались спустить с него штаны вместе с трусами!

Ребята ожидали, что Боря будет как-то защищаться, кричать и психовать, но он ничего не

предприинимал, лишь вцепился в штаны, пытаюсь удержать их. Испуганный и сломленный, он ощущал себя совершенно беспомощным. Только когда Юрке удалось сдернуть злополучные штаны, Борис сделал попытку наконец освободиться от навалившихся на него одноклассников, но получил удар в солнечное сплетение. Он вырубился на несколько секунд от сильной боли и темноты в глазах. Мальчишка словно провалился в мглистую бездну, упал на пол рекреации и потерял сознание. Однако довольный голос Юрки: «Смотрите-ка, писька у него совсем маленькая!» — и ехидный смех одноклассников быстро привели Бориса в чувства. Он понял, что лежит со спущенными трусами, а ребята смеются над ним. И вместе с ними весело смеялась Лена. Она смеялась над его беспомощностью, смеялась громко, враждебно. Дрожь проняла Бориса. Мир окончательно рухнул. Горячая волна крови от жгучего стыда хлынула по всему телу. Бедняга вскочил на ноги, пытаюсь натянуть трусы, вырваться и убежать, однако получил новый сильный удар ногой под зад и упал на четвереньки.

Чувство неспособности противостоять всей этой стае переполняло Бориса. У него, наконец, началась истерика, которую так ждали одноклассники. С воплем отчаяния, он вскочил с пола. Топая ногами и дергаясь, Борис попытался

было вновь натянуть на себя штаны с трусами, но кто-то сзади сдернул их опять. Мальчишку трясло, он метался по рекреации, вцепившись в свои штаны, пытаясь вырваться из окружения. Его толкали, он даже не плакал — он визжал. И это забавляло пацанов. Никто не пришел на помощь Борису, никто не вступился за него. Вскоре, однако, кто-то закричал: «С него достаточно, уходим, а то Зинаида увидит!» — ребята быстро разбежались, оставив Борю в покое.

Парнишка остался один, униженный и оскорбленный. Тело его продолжало дергаться от напора чувств и собственной беспомощности. Он опустился на пол рекреации и тихо плакал, без всхлипываний и вздрагиваний. Жгучие слезы отчаяния и стыда сами собой катились по щекам и капали на одежду. Его никто не пытался утешить. Он никому не был нужен. Борис плакал не столько от физической боли, сколько от мучительного осознания собственного бессилия, своей неспособности противостоять толпе, неспособности избежать унижений. Они издевались над ним потому, что он был не такой как все, потому, что считали его изгоем. Но Борис по натуре своей был уступчивым, добрым юношей. Он старался избегать ссор, старался уступить, отойти. В его облике проглядывалась некая покорность судьбе, покорность людям и обстоятельствам.

Вот и сейчас страдальческое выражение застыло на его лице. Борис сидел неподвижно, несчастный и жалкий. Слезы продолжали струиться по его щекам, а из зала доносилась веселая музыка.

Поплакав так в одиночестве минут десять, мальчишка спустился на улицу и с тяжелым сердцем побрел домой. Матери не было. Из соседней комнаты слышались детские голоса: к сестре пришла подружка.

В опущенном состоянии духа Боря шлепнулся на кровать. На душе было невероятно тяжело. Он с презрением и ужасом вспоминал, как лежал со спущенными трусами, а все вокруг радостно смеялись над ним. Сволочи! Подлецы! Накинулись скопом на одного. Откуда такая жестокость? Ведь он не сделал никому из них ничего плохого! Борис привык стойко переносить все обзывательства и оскорбления, он просто не обращал на них внимания. Но зачем они надругались над ним?

Ему было жаль, нестерпимо жаль себя. Он понимал, что его унижали, над ним измывались не потому, что он был подлым и гадким, не потому, что он был неряхой или негодяем, даже не потому, что он приставал к девушке — всего этого не было, — а потому, что он не мог постоять за себя.

Чувство беспомощности и неполноценности переполняло его. Но излить свою душу, попросить совета или защиты было абсолютно не у кого.

ГЛАВА 3

СТРАННАЯ СЕМЕЙКА

У Бориса не было, совсем не было близких ему людей, которым он мог бы довериться, рассказать о своих переживаниях.

Мать? Нет, к матери Борис обратиться не мог. Она никогда не была для него другом и не поддержала бы сына в трудную минуту. Мать имела привычку лишь насмеяться над ним и выискивать у него недостатки. Для Бориса она была совсем чужой. Мать не разговаривала с сыном без особой необходимости, никогда не рассказывала ему о своей жизни, не учила его ничему. Ее жизнь была тайной для сына, но и она совершенно не интересовалась жизнью своего ребенка. Все время матери заполняла работа и воспитание дочери. А в отношениях с сыном была непроницаемая завеса, которую мать приподнимала лишь в случае, когда ей что-то требовалось от Бориса. Она не одобряла его поступки, не содействовала Борису в его делах. Мать словно отреклась от родного сына и постоянно внушала ему, что ничего путного из него не получится.

Татьяна же, сестра Бориса, находилась еще в том возрасте, когда не умеют понять чувства и трагедию окружающих. Да и не захотела бы она

выслушать брата, не стала бы сочувствовать и утешать. Также как и мать, она смотрела на Бориса как на ничтожество. Между ними не было родственной связи и душевного единения, характерной для близких людей. Да и чисто внешне они не походили на брата и сестру. Борис был худым кареглазым юношей со слегка вьющимися темными волосами и нехарактерными для молодого человека огненными вспышками румянца на щеках. Сестра его, зеленоглазая блондинка, по комплекции больше напоминала мать. Она еще не имела того заметного лишнего веса, который набрала ее мать, но была вполне упитана для своего возраста.

Борис был старше сестры на семь лет, но дистанция между ними была огромна. Они разговаривали только в случае острой необходимости, а их разговор сводился обычно к нескольким коротким обыденным фразам. Таня не понимала брата и не хотела общаться с ним, да и Борису разговоры с заносчивой сестренкой не доставляли удовольствия. Сестра поглядывала на старшего брата с превосходством, потому что чувствовала себя главнее, значимее его.

«Это не наша порода!» — не раз говорила мать Танечке, и сестра не считала Бориса за своего близкого родственника. С ранних лет она отделилась от брата стеной непонимания, равнодушия и безразличия. Девочка жила в своем

мире, куда вход старшему брату был заказан. Она видела, как к Борису относится мать, и брала с нее пример. Нет, она не стала бы утешать брата, скорее наоборот, посмеялась бы над ним.

Чем же заслужил Борис такую немилость?

Он родился в простой, приличной с виду семье. Боря был довольно поздним, однако совсем не любимым ребенком. Валентина Михайловна, его мать, долгое время вообще не хотела иметь ни семьи, ни детей. И только когда ей перевалило за тридцать, серьезно задумалась о том, что пора бы выйти замуж и родить девочку, помощницу в хозяйстве. Но родился сын, очень похожий на мужа, отношения с которым у Валентины Михайловны не складывались.

Все знакомые отмечали редкое сходство Бориса и его отца. И Валентина Михайловна сразу невзлюбила сына, ту генетику, которую передал ему отец. У Борьки были отцовские глаза, карие, большие, глубоко посаженные, такие же толстые и безвольные губы, такой же высокий лоб, такие же широкие плечи и узкие бедра.

Эта похожесть на ненавистного мужика раздражала Валентину Михайловну. Рождение такого ребенка было для нее недоразумением, она не испытывала к новорожденному никаких теплых чувств. Так бывает иногда, в редких случаях природа не награждает женщину любовью к своему

ребенку. Происходит некий генетический сбой, устраняющий материнский инстинкт. Подобное случилось с Валентиной Михайловной. Свое негативное отношение к отцу ребенка она перенесла на сына.

Отец Бориса был человеком слабохарактерным, недалеким и скупым. Валентина Михайловна презирала его. Ей не стоило вообще выходить замуж за Владимира, который совсем не нравился ей. Но она расписалась, потому что посчитала, что так надо. Все подружки Валентины давно имели семьи, а она все еще ходила в одиночках.

Брак с Владимиром был ее первым официальным браком. По молодости Валентина пару лет жила с мужчиной, который был заметно старше ее. Он привез ее в Тулу из глухой курской деревни, поселил в своей квартире и содержал. Валентина не любила сожителя. Она уехала с солидным дядькой без любви, лишь для того, чтобы вырваться из отчего дома, отойти от скучной, тяжелой крестьянской жизни. Их союз оказался неудачным. На каком-то этапе сожитель стал избивать Валентину, она ушла от него, осела в Туле, работала на кондитерской фабрике и жила в общежитии.

Длительное время после расставания с сожителем Валентина Михайловна старалась

избегать лиц противоположного пола. Она не умела и не хотела любить мужчин. Ее нельзя было назвать писаной красавицей, но и изъянов во внешности у нее не имелось. Обычная, довольно симпатичная девушка, на которую иногда обращали внимание парни, только она не отвечала им взаимностью.

Но время шло, ухажеров становилось все меньше, а желание быть как все и иметь семью все чаще заявляло о себе. Тут и подвернулся Владимир, которому понравилась скромная с виду девушка. Владимир был младше ее на пару лет и имел свой дом в поселке недалеко от Тулы. Этот дом оставила ему бабушка.

«Все лучше, чем комната в общежитии», — подумала Валентина и приняла предложение потенциального жениха.

Они прожили вместе девять лет. Первое время Валентина Михайловна еще терпела мужа. Она была холодной женщиной и испытывала отвращение к близости с Владимиром. Мать Бориса смотрела на супружеские обязанности как на вынужденный физиологический акт, крайне неприятный и болезненный. Она старалась по возможности освободиться от ухаживаний супруга, который только раздражал ее. Спали они обычно порознь. Тем не менее, Валентина Михайловна вскоре забеременела и родила сына. Борис был

плодом вынужденной, противной для Валентины близости с неприятным ей мужиком.

После рождения первенца отношения с мужем разладились окончательно. У Валентины часто и неожиданно менялось настроение, она могла в любой момент из-за какой-нибудь ерунды разразиться бранью и проклятиями. Так она разряжалась на мужа, выпуская свой пар.

Отец Бориса работал на заводе слесарем, а мать сидела дома. Чем дольше они жили вместе, тем чаще ссорились. Валентина Михайловна подозревала мужа в многочисленных изменах. Владимир отрицал свою связь на стороне, однако Валентина не верила ему.

Валентина Михайловна старалась показать мужу, что она — главная в их семье. Если Владимир ей хоть в чем-то перечил, спорил с ней, женщина становилась злой и агрессивной, сыпала оскорблениями, могла впасть в истерику либо оставить маленького ребенка мужу и надолго уйти к соседям.

Своего первенца Валентина Михайловна наградила крепким организмом. Почти сразу по выходу из родильного дома она отказалась от кормления грудью и перешла на искусственные смеси. Ее не слишком беспокоило благополучие собственного ребенка, но Борис рос на редкость здоровым мальчиком. С ранних лет мать приучала

сына молчать, вести себя тихо и незаметно. Она всегда ругалась, если Боря кричал или громко плакал. Смеяться Борис практически не умел. Его отличительной черной стала некая печальная задумчивость.

Когда Боря был маленьким, вечно недовольная мать частенько привязывала его веревкой к кроватке, чтобы он не мешал ей делать домашнюю работу: мыть посуду или готовить еду. Иногда она оставляла привязанного сына в доме одного: уходила в магазин или к соседке поболтать. Борис привык быть один. Он рос вялым и замкнутым ребенком. Мать не скрывала, что предпочла бы сына побойчей. Она частенько называла его гаденышем или ублюдком.

Валентина Михайловна считала, что воспитывать такого сына не нужно, потому что это занятие бесполезное: воспитывай, не воспитывай — все равно со временем вырастет «такая же сволочь, как и его отец».

Все раздражало Валентину Михайловну, но более всего ее собственный сын. В сыне ей не нравилась и внешность, и манера говорить, и его мягкий характер, и то, как он ходит, как ведет себя. Валентине Михайловне всегда удавалось найти повод для недовольства. Она словно стремилась лишить своего ребенка всякого права на радость, постоянно учила сына с тревогой относиться к

окружающим и никому не доверять. Она внушала Борису, что кругом — одни враги. И дети в садике нехорошие, и воспитатели плохие, и соседи — гады, и продавцы в магазине негодные. Но самый плохой человек — его отец. Мать постоянно говорила ребенку, что его отец — «сволочь из сволочей».

Сколько Боря помнил себя, все время в их семье происходили ссоры, скандалы. Словесные оскорбления в адрес друг друга мать и отец сыпали как из рога изобилия. Они ругались постоянно, по любому поводу, почти каждый день. Муж никогда не был для Валентины дорогим, любимым, желанным, только сволочью, дебилем, подлецом. И Владимир отвечал ей взаимностью. До рукоприкладства дело не доходило, но детство Бориса проходило в атмосфере ненависти и злобы, он хорошо запомнил всю эту ругань родителей, хотя отец ушел от матери к другой женщине, когда ему было всего семь лет.

В тот период мать ходила беременная. Несмотря на постоянные ссоры с мужем, надежда родить девочку не оставила Валентину Михайловну и она решилась забеременеть вновь. Теперь уже муж подозревал жену в супружеской неверности. В последнее время Валентина стала кокетничать с посторонними мужчинами, по-прежнему отказывая Владимиру в близости. У него же активно

развивался роман с другой женщиной, которая вскоре стала его новой женой.

Не дождавшись рождения второго ребенка, муж оставил Валентину Михайловну. Покинув жену, Владимир полностью устранился из жизни женщины, своего сына и маленькой девочки. Он оставил им жилье и считал, что этого достаточно. Валентина Михайловна подала на алименты. Бывший муж согласился перечислять деньги на двух детей. Он не стал выяснять отцовство девочки, хотя сильно сомневался, что она — его дочь.

В период своей второй беременности Валентина Михайловна совсем потеряла интерес к воспитанию сына. Она перестала следить за ним. Даже завтрак не успевала приготовить ему вовремя. Сын ведь мог покушать и в школьной столовой. Валентине Михайловне очень не нравился этот мальчик, своими чертами, своим поведением и привычками казавшейся ей маленькой копией Владимира, таинственным воплощением предавшего ее мужика. После ухода мужа Валентина подсознательно стала смотреть на Бориса как на главного своего врага, он стал предметом ее нападков. Все время мать была чем-то недовольна. Все, что делал Борька, было, по ее мнению, плохо.

Борис не слышал от матери доброго слова. В лучшем случае она звала его Борькой — не

сыночком, не Боренькой, даже не Борисом, а Борькой, — как будто он вовсе не был ее родным сыном. При любом удобном случае мать не упускала возможность упомянуть, что Борька растет «сволочью, почище, чем его отец». Мать внушала сыну, что «ни одна приличная женщина с ним жить не будет». Она пичкала подростка рассказами о наглых девках, которые, потеряв всякий стыд, лезут на шею парням, а Борька может понадобиться лишь гулящим бабам для того, чтобы одурачить и обобрать его. Отчасти поэтому Борис боялся девушек.

Валентина Михайловна была эмоциональной женщиной. На людях она вела себя нормально, держала негатив в себе, но дома освобождалась от гнева, срывая свою злость сначала на мужа, а затем на сына. Разряжаясь, Валентина чувствовала себя лучше, спокойней в этом враждебном ей мире. Унижая ребенка, мать словно возвышалась в собственных глазах. Ее саму унижал, порой избивал первый ее сожитель, ей причинял нравственные страдания Борькин отец.

После рождения дочки — а Танечка родилась, когда Валентине Михайловне было уже сорок два года — мать целиком сосредоточилась на ее воспитании, а на Бориса возложила различные домашние дела: он должен был наносить воды, сходить в магазин, растопить печку. Валентина

Михайловна строго спрашивала, если Борис не успевал вовремя выполнить ее поручения. И постоянно бранила сына за то, что он делает их недостаточно ловко.

Первое время после ухода отца Борис пытался угодить матери, старался делать все так, как она требует. Но мать все время была недовольна. «Принеси то, принеси это, сбегай в магазин, посмотри за сестрой», — таков был ее лексикон. И Боря носил, бегал, смотрел. Но матери было все не так. Вскоре Борис понял, что угодить матери он просто не в состоянии. Она ругалась, если Борька задерживался, когда ходил в магазин, ругалась, если сын не успевал наносить воды или растопить печку, ругалась, когда он с опозданием забирал сестренку из детского садика, ругалась, когда Борька начинал делать что-либо без ее указаний. Своим поведением мать отбила у сына всякую инициативу, подавила всякое стремление к самостоятельности.

Борька вызывал у Валентины Михайловны неприязнь, которая со временем только росла. Мать обращала внимание только на недостатки сына. Все его поступки она воспринимала критически. Валентина Михайловна почему-то решила, что у Борьки есть склонность к лени и вранью. Хотя для этого не было веских причин. Она считала его неуклюжим и неловким. Но его неловкость была

следствием заторможенности, неуверенности в себе, вызванной страхом перед матерью и людьми.

Свое нежелание тратить время на ребенка Валентина Михайловна оправдывала сказкой о том, что сын растет негодяем и его необходимо наказывать. За малейшее неповиновение мать готова была обрушить на сына громы и молнии. Она постоянно выискивала поводы, чтобы в виде наказания не приготовить ему обед, заставить его стоять в углу, мыть туалет или посуду. Прикрываясь наказанием, она не покупала ему подарки на дни рождения и праздники. Она не била его, но постоянно придумывала все новые и новые поводы, чтобы наказать сына за малейшую провинность. Мать могла разбудить Бориса прямо среди ночи только для того, чтобы заставить его убрать ботинки, оставленные не на месте. Она могла ворваться в детскую комнату в самый неожиданный момент и «навести порядок»: разбросать неубранные со стола книги и открытки, выкинуть его игрушки. За серьезную с ее точки зрения провинность Валентина Михайловна могла посадить Борьку в холодный погреб на пару часов. После мамашиних экзекуций Борис чувствовал себя порой как побитая собака.

А еще мать любила рассказывать знакомым, какой нехороший у нее сын. Она говорила, что Борька от рук отбил, растет вредным, злобным,

непослушным, неуклюжим и нелюдимым, помогать ей совсем не хочет. Конечно, это было не так. Вредничать Борис просто не умел. Мать слушался и постоянно помогал ей. И воду носил, и в магазин ходил, и сестрой занимался, когда это было нужно. Но матери все было мало. Ее отношение к сыну походило на отношение капризной барыни к своему нерадивому холопу.

Когда в их дом приходили люди, Валентина Михайловна частенько звала сына и начинала ругать его при посторонних. Она рассказывала, какой Борька грязнуля и лодырь, отчитывала его за малейшую провинность, за любое пятно на одежде, за то, что не успел принести воды или убраться в своей комнате. Гостям мать говорила, что сына невозможно воспитывать. Она часто сравнивала Бориса с отцом, уверяя, что «Борька будет даже хуже, чем его негодяй отец».

С гостями Валентина Михайловна была подчеркнута вежливой и любезной, и только когда гости уходили, выражала недовольство их визитом. Мать не любила гостей, и они в их дом приходили довольно редко. С соседями мать со временем переругалась и терпеть их не могла. Заходили иногда сослуживицы с работы. После развода с мужем, как только немного подросла дочка, Валентине Михайловне пришлось устроиться на работу в охрану на молочную фабрику. У нее было

несколько приятельниц, с которыми она могла посплетничать, помусолить людские грешки. Им Валентина рассказывала о конфликтах с соседями, о том, как ей не везёт и как всё плохо вокруг. Мать Бориса жаловалась на свою жизнь: муж ее предал и бросил с двумя детьми, денег присылает мало, зарплата маленькая, сын нехороший, на работе сплошные интриги.

Время от времени, в периоды относительного спокойствия, Валентина Михайловна не нападала на сына. Она стирала и готовила, наводила порядок в доме, обещая себе больше не задевать ребенка, но срывалась на следующий же день. Борис действовал матери на нервы. Ей доставляло некое тайное подсознательное удовольствие причинять своему ребенку боль, не столько физическую, сколько моральную. Бить, тем более на людях, она его стыдилась. Так, могла иногда дать легкий подзатыльник для острастки. Но морально мать постоянно унижала сына, пользовалась любой возможностью напомнить Борису о его никчемности. Она намеренно внушала Борьке, что он хуже своих сверстников.

Одно время Борис никак не мог понять, почему мать считает его таким плохим. Но постепенно мальчик перестал пытаться доказать свою состоятельность, жил не задумываясь, принимая все как есть. Переубедить мать,